

Elka Traykova

Bulgaria,

Institute of Literature, Bulgarian Academy of Sciences

Political Repressions on Bulgarian Literature in the 1950's–1980's

The report presents the whole picture of political repressions on literature after the establishment of the Communist regime in Bulgaria – on September 9, 1944, by ideological mechanisms of prohibition or expulsion/pressing of classical authors and works, periodicals, and whole intellectual circles towards the periphery of cultural life. It outlines the dogmatic norms of Socialist realism, imposed as an official artistic method, as well as the severe existential and creative consequences in case of non-observance of its ideological and aesthetic paradigms. The report presents the spiritual resistance, but also the inevitable compromises made by Bulgarian poets and writers in the dramatic conflict between the Communist regime and the literature in the period under review. In this sense, the authority–literature conflict comes to the fore, pushing the specific artistic issues to the periphery of the cultural space and imposing the ideological stances of Socialist realism as obligatory aesthetic paradigms.

Criticism plays an important role in the narrowing and deforming of the literary field. Losing its identity, it becomes politically institutionalized, turning into a censor that sanctions aesthetic pluralism and creative freedom. This merging of ideology and literature gives birth to the contrasting opposition between free literary criticism – analytically rationalizing the artistic processes, on the one hand, and criticism exercising authority over literature –controlling, sanctioning, and dictatorially imposing an ideological discourse, on the other hand.

Of course, Socialist realism in the late 1980's was not as dogmatic and repressive as in the first decade of the Communist regime. These transformations in artistic strategies, which are increasingly stepping aside the ideological matrix, cause delayed public repentance or tacit adjustments to the personal positions of Bulgarian artists. But throughout the period, authors who dared to break the norms of the official artistic method, or to renounce their own creative and existential choices in the

1950's, became targets of personal and creative repression. The report will present precisely these complex and dramatic processes in Bulgarian literature during this period.

Key words: *Repression, Bulgraian Literature, Obligatory aethhetic paradigms.*

Элка Трайкова

Булгария

Институт литературы Болгарская академия наук

Политические репрессии в сфере литературы Болгарии в 50-х – 80-х годах XX века

Для болгарской литературы период после политических перемен в тысяча девятьсот сорок четвертом году характеризуется разительным совпадением между партийными постановлениями и художественным творчеством. В год «великого перелома» с преступной легкостью начинают разрушаться традиции болгарской культуры, отвергаются авторы и произведения, наклеиваются идеологические ярлыки, эстетические процессы насильственно ставятся в узкие рамки нового художественного метода – социалистического реализма. Достижение устойчивых результатов и долгосрочного эффекта в идеологическом манипулировании литературой требует как запрета на авторов и произведения, так и создания новых “истин” для истории литературы.

Во время, которое нам сегодня известно как *период культа личности*, болгарской культуре наносится самый чудовищный ущерб. Убиты видные представители болгарской интеллигенции; те, кто остаются в живых, обречены на нищенское существование, а их дело квалифицировано как буржуазное или фашистское.

Художественные произведения, отражающие новую социально-политическую ситуацию, представляют собой повторяющийся шаблон рабоче-крестьянских сюжетов, с ярким положительным героем – чаще всего это партийный секретарь, который ведет героическую борьбу против врагов. В оптимистическом финале, конечно, побеждает добро, и злодеи строго наказаны. Из посредника в соци-

окультурном пространстве литературная критика превращается в цензора, который не анализирует, а осуждает. Происходит замена интерпретации художественных произведений в наилучшем случае иллюстративным пересказом содержания, а морально-этические внушения произведений трансформируются в патетические лозунги.

Эта однозначность в духовном пространстве достигается посредством лишения общества корректива – нравственного, идейного и эстетического. Литературные издания, существовавшие до политических перемен, приостановлены, их редакторы и сотрудники или мертвы, или на них наложено принудительное творческое молчание.

Вытесняя на периферию духовной жизни литературную традицию посредством создания деформированного и тенденциозно неверного представления о ней, навязывается миф о новаторстве социалистической литературы. Не отрицая свое родство с прошлым, но только с его *прогрессивными*, реалистическими тенденциями, политическая власть превращает художественное произведение из эстетического факта, находящегося в социокультурном пространстве, в идеологический фактор, манипулируемый классово-партийным подходом.

В этом контексте в качестве культурного феномена можно рассматривать организованную Союзом болгарских писателей дискуссию о любовной лирике. Ситуация абсурдна – в середине XX века (тысяча девятьсот пятьдесят второй год), после смены политического режима, как будто были стерты из культурной памяти все блестящие образцы любовной лирики в европейской и болгарской литературе, с которыми читатель до недавнего времени свободно общался для того, чтобы ставить в качестве проблемы право современных поэтов создавать любовные стихи. Каковым является литературно-исторический сюжет? Поэт Иван Радоев публикует цикл любовных стихов, которые, с современной точки зрения, по-детски наивны, сантиментальны и чисты. Но литературная критика квалифицирует их как «порочные», так как они побуждают к *грубо эротическим страстям*. Автора обвиняют в том, что он создает вульгарную поэзию, так как лирический герой *проявляет качества, которые нетипичны для коммуниста*.

Критики, которые отвергают эти стихи, не могут примириться с тем, что любовь является личным, интимным, а не коллективным переживанием, поэтому они указывают в качестве основного недостатка на тот факт, что герои этого довольно «вольного» любовного флирта лишены социальных характеристик, что не обозначено ясным образом то место, на котором родилась их любовь – например, в колхозе или на заводе, что не понятно, является ли девушка представителем коммунистической или буржуазной семьи. А все это выглядит не только подозрительным – оно идеологически недопустимо.

Этот элементарный эстетический вкус упорно воспитывается публикуемыми тогда художественными произведениями и утверждающей их литературной критикой, исполняющей четко предписания социалистического реализма и партийных постановлений.

В болгарском литературоведении в то время, которое мы сегодня называем *периодом культа личности*, в качестве высшего критерия истинности принимается ссылка на советских авторов, на литературно-теоретические постановки или решения КПСС. Это – обязательный ритуал, мера коммунистической верности, пример для подражания. Чем больше цитат советских партийных лидеров или официально толлерируемых авторов содержатся в каком-либо тексте, тем более точной является оценка болгарского критика или писателя. Эта своеобразная защитная маска дает деятелю искусства право публиковать без ограничений свои произведения, обеспечивает возможность обладания властью в литературе, является предпосылкой успешной карьеры в культурной и политической иерархии. Иногда эти попытки навязать периферийные для советской литературы имена в качестве абсолютных авторитетов создают комические ситуации. Например, в полемике о любовной лирике многократно настаивается на том, чтобы Иван Радоев писал так, как совершенно забытые сегодня “советские товарищи”.

Эта попытка унифицировать творчество, принудительный отказ или лишение индивидуальности, в сущности, является одним из универсальных ключей для идеологического манипулирования литературой. Социалистическая критика, которая после 1944 г. поставила перед собой цель создать новую национальную литературу,

разрывая ее духовную связь с традицией, не только насильственным образом внедряет искусственные схемы социалистического реализма, но и навязывает зеркальное копирование чужих, в такой же степени догматических моделей. Сопrotивление против этого двойного круга запретов осуществляется с различной активностью и в разных формах. В период 1944 –1989 гг. появляются отдельные личности, издания или действия общественности, которые пытаются соизмерять болгарскую литературу не только с советской, но и с мировыми тенденциями, но они довольно быстро и довольно строго санкционируются. Накопление знаний предполагает творческую свободу, а коммунистическая власть предпочитает не талантливое, а верное слово.

Но одна книга нарушает установленные социалистическим реализмом правила скучной, банальной прозы пятидесятых годов. Роман «Табак» Димитра Димова вызывает чрезвычайный интерес, как своим *буржуазным* сюжетом и подчеркнуто психоаналитическим подходом к своим героям, так и своей художественной выразительностью, яркой экспрессией слова. Он является вызовом для идеологических институций и для литературной критики. Его превращение в общественный факт неизбежно провоцирует драматические, политические и литературные коллизии. По причине исключительной важности обсуждение книги, как это принято в коммунистических режимах, было окутано таинственностью. Оно проводится в Союзе болгарских писателей. Самым мягким обвинением является то, что в романе чувствуется атмосфера сексуальности и эротичности, потому что Д. Димов находится в плену «фрейдистского» понимания личности. После трехдневного обсуждения и острой критики писателю дано право последнего слова. Для всех тех, кто выносит свой суровый приговор, происходит нечто неожиданное. Писатель не испытывает ни смирения, ни страха. Он с самочувствием дерзко отвечает на все замечания и аргументированно защищается. В те трудные и опасные времена, при таких жестоких идеологических обвинениях, единственно признание всей вины спасло бы Д. Димова от тяжелых экзистенциальных последствий. Однако он дерзко и с самочувствием отвечает на все замечания и аргументированно защищается. Его поведение, однако, не только

является признаком личной смелости и творческой уверенности. Причина этого также гармоничным образом вписывается в сложную институционализированную игру коммунистического режима. Перед обсуждением писатель получил поздравительное письмо лично от генерального секретаря Болгарской Коммунистической Партии (БКП) – Вылко Червенкова, который высоко оценивает этот роман.

Как мы могли бы тогда определить эту ситуацию – как фарс или как огромную манипуляцию? В контексте буквального параллелизма болгаро-советских литературных отношений, вероятно надо было бы, чтобы повторился разыгравшийся уже сценарий с романом «Буря» Ильи Эренбурга. При обсуждении он слышит еще более кошмарные квалификации о себе и о своем романе, но не проявляет никакого беспокойства. Когда ему разрешают ответить, Эренбург просто прочитал письмо Сталина с одобрительной оценкой его книги.

Но, давайте вернемся к истории романа “Табак”. Задействованный механизм отрицания трудно остановить. Автор вынужден основательно переработать свое произведение под строгим надзором специальной комиссии. Новая версия романа в значительной степени теряет свою художественную ценность, он просто становится одним из весьма характерных произведений социалистического реализма. Идеологии удается наложить на него свой тяжелый и деформирующий отпечаток. Несмотря на это, данная книга бросала вызов догматизму. Но и роман “Табак” наносит тяжелый ущерб авторитету догматической литературной критики – на ней остается подозрение в некомпетентности, расшатан и её статус справедливого и объективного посредника в коммуникации между писателем и читателем.

Властно применяемый метод социалистического реализма оказывается безупречно разработанной методологией навязывания идеологического контроля над литературой – болгарские писатели вынуждены принять, что для того, чтобы были опубликованы их произведения, они должны быть партийными решениями, «облаченными» в художественную форму. В 1956 г. политическая ситуация меняется. После XX конгресса КПСС и Апрельского пленума Болгарской Коммунистической Партии начинаются робкие

попытки разламывания догматических норм в культуре. В этот короткий период политического хаоса, до того как система ввела свои новые репрессивные функции, интеллигенция пытается не только наверстать упущенное, но и завоевать новые творческие пространства, Болгарская литература оказывается перед выбором между идеологической конъюнктурой и беллетристической свободой.

Долгое время поддерживаемый духовный вакуум разорван несколькими скандальными для тех времен поэтическими книгами. Но их авторы остаются в истории литературы не как *поколение 60-х годов*, а удостоены эмблематическим названием *апрельское поколение*, что идентифицирует их с новой официальной партийной линией. История утверждения этого поэтического поколения в литературе и его постепенное институционализирование несет в себе важные знания об этом периоде. Болгарские поэты довольно точно копируют общественное поведение, высокую патетику, риторическую выразительность советских поэтов – Евгения Евтушенко, Роберта Рождественского и Андрея Вознесенского. Они хотят быть смелыми и непредсказуемыми, провоцировать и скандализировать. Они отрицают устаревшую поэтику посредством усложненной метафорической выразительности, оригинальной образности, подчеркнутой интеллектуальности.

Однако это очень сильно тревожит догматическую критику. Её больше всего возмущает отрицание классического рифмованного стиха и утверждение свободного. Острая критика против поэтических экспериментов является скорее идеологически, чем эстетически мотивированной. Страх от ускользания контроля над литературой превращает критиков в комических со своей старомодностью людей, которые пытаются вернуть время вспять.

Интеллигенция опьяняет себя своей, хотя и вымышленной, свободой и желает в максимальной степени реализовать её. В 1963 г. короткая игра в демократию заканчивается. Речью, справедливо определенной как исторической, Тодор Живков безапелляционным образом поставил литературу в узкие рамки коммунистической идейности и этим положил начало периода, известного как *то-талитаризм*. Так называемое *апрельское поколение* оказывается слишком адаптивным к новым идеологическим требованиям. К

коммуникативной цепочке *поэт – читатель* добавляется, и то не в последнюю очередь, *власть*. Взаимоотношения с читателями становятся всё более официальными, а взаимоотношения с управляющей коммунистической партией – все более интимными. Это, с одной стороны, иллюстрирует миф о «щедрой заботе партии и правительства о писателях», а с другой – служит примером и уроком. Те, кто верны коммунистической партии, получают власть и славу, а тем, кто отклоняется от идеологических норм – отрицание и запрет на опубликование. Поэт, который остается верным бунтарскому духу 60-х годов – Константин Павлов, поэтому его книги запрещены в течение почти трех десятилетий.

Что происходит в болгарском литературоведении в 60-х и 70-х годах? Литературная критика, хотя и робко, успевает наложить тезис о том, что болгарская поэзия, проза и критика должны преодолеть свою изолированность, перешагнуть через узкие рамки региональной закрытости и участвовать в мировом культурном диалоге времени. Новое поколение литературных критиков считает, что важным является не только национальный колорит и уникальный дух родных культурных традиций, а и универсальные экзистенциальные ценности и философские послания, которые ставят болгарскую литературу в европейское духовное пространство. Для (их)Тончо Жечева, Крыстьо Куюмджиева, Здравко Петрова, Цветана Стоянова критика является интеллектуальной игрой, она – искусство, которое должно привлекать блестящими фразами, элегантно иронией, вовлечением читателя в заманчивый лабиринт творчества. Официальные, дальние отношения критика с читателем забыты во имя общего сопереживания магии чтения. Критик рассчитывает знаки смысла под видимой поверхностью текста, но он учит и читателя делать это. Они вводят свободную форму эссе для критического выражения в словах, превращают артистическое эмоциональное выражение в альтернативу идеологическим шаблонам и партийным клише конъюнктурной критики.

В 80-х годах социалистический реализм уже не настолько догматичен и репрессивен, как это было в течение первого десятилетия коммунистического режима, а это предполагает как трансформации в художественных стратегиях, так и изменение в

критических парадигмах. Под влиянием структурализма, Никола Георгиев и Радосвет Коларов дешифрируют многоплановое эмоциональном плане, а как системы структурных связей, которые внушают ощущение не сопереживания, а аналитического научного прочтения. Хотя новейшие содержание художественных текстов, но не в идейно-теоретические подходы не запрещаются, они не толлерируются в периодической прессе. Они принимаются не только как интеллектуальный вызов к ограничениям соцреализма, но и как опасная теоретическая угроза, которая вносит колебание в его методологию. Будучи применяемы на классических и современных произведениях болгарской литературы, они провоцируют и даже скандализуют консервативные вкусы времени и поэтому являются слишком ограниченными идеологической цензурой в возможностях для широкого общественного резонанса. Но именно они толлерируют художественные эксперименты, которые не помещаются в узкую матрицу социалистического реализма.

Социокультурные и политические процессы в 80-х годах при- нуждают официальный художественный метод расширить свои эстетические границы и признать книги, которые интерпретируют оригинальным и современным образом национальную мифологию и фольклор (Йордан Радичков, Васил Попов), анализируют одиночество, отчуждение, эмоциональные травмы современного человека (Блага Димитрова, Павел Вежинов, Эмилиян Станев и др.), критически рассматривают проблемы современного общества (Георги Марков, Ивайло Петров, Радой Ралин). Без патетического критического одобрения вводится и новая поэтическая парадигма – философская поэзия Николая Кынчева, языковые провокации Биньо Иванова, интеллектуальная чувствительность Бориса Христова, «тихая» лирика Ивана Цанева. Реабилитированы стихи Константина Павлова. Так, в конце рассматриваемого периода создаются произведения, которые не просто отмечают признаки отталкивания от социалистического реализма, но и очерчивают контуры альтернативной литературы. Более робкими или более смелыми личными и творческими жестами болгарская литература пытается, вопреки продолжающимся репрессиям и ограничениям цензуры, отстаивать новые творческие пространства. Конечно, выбор свободы в тоталитарных режимах

– трудный и опасный, но болгарская интеллигенция делает его убежденно и в этом её реальный вклад в демократические перемены после 1989 года.

References:

Георгиев 1973: Георгиев, Н. *Препрочитайки “Диви разкази”*. Литературен фронт, № 24, 19. 6. 1973.

Георгиев 1992: Георгиев, Н. *Сто и двадесет литературни години*. София, 1992, 361с.

Георгиев 1999: Георгиев, Н. *Мнения и съмнения*, София 1999.

Гройс 1952: Гройс, Л. *Стихове, които ще се помнят*. Литературен фронт, № 36, 2. 9. 1952.

Дойнов 2018: Дойнов, П. *Поколение и поезия*. София, 2018, 319 с.

Данчев 1947: Данчев, П. *За идейния път на д-р К. Кръстев*. Философска мисъл, № 2, 1947, с. 119–131.

Данчев 1947: Данчев, П. *За идеологията на Пенчо Славейков*. Философска мисъл, № 3-4, 1947, с. 190–228.

Дискусията ... 1993: *Дискусията за свободния стих е богато документирана и аналитично проследена в книгата на Димитър Аврамов «Диалог между две изкуства»*. С., 1993, с. 394-403.

Жечев 1966: Жечев, Т. *Национални особености в литературното развитие*. В: *Националното своеобразие в литературата*, София, 1966, с. 33.

Жечев 1973: Жечев, Т. *“Диви разкази” или опитомяване на мисълта*. Литературен фронт, № 24, 29. 6. 1973.

Зарев 1952: Зарев, П. *За пълна победа над антиреалистичните влияния*. Литературен фронт, №15, 6. 3. 1952.

За романа ... 1952: *За романа “Тютюн» и неговите критици*. Работническо дело, №72, 16. 3. 1952.

Илиев 1966: Илиев, Сю *Отмъщението на сатирата*. Септември, №2, 1966, с. 235.

Коларов 1983: Коларов, Р. *Звук и смисъл. Наблюдения над фоничната организация на художествената проза*. София, 1983, 204 с.

Коларов 1999: Коларов, Р. *Литературни анализи*, София, 1999, 397 с.

Колевски 1963: Колевски, В. *Свободният стих и социалистическия реализъм*. Пламък, № 8, 1963, с. 50.

Колевски 1965: Колевски, В. *Сатириите на К. Павлов*. Литературен фронт, № 40, 15. 11. 1965.

Куюмджиев 1965: Куюмджиев, К. *Лекаря, излекувай се сам*. Септември, № 3, 1965, с. 204.

Куюмджиев 1974: Куюмджиев, К. *“Диви разкази” и “точните науки”*. Литературна мисъл, № 2, 1974, с. 23.

Левчев 1962: Левчев, Л. *Проблеми на свободния стих*. Литературен фронт, № 9, 1. 3. 1962.

Неделчев 2011: Неделчев, М. *Литературноисторическа реконструкция*. София, 2011, 390 с.

Николов 1954: Николов, М. *За истинската любовна лирика*. Литературен фронт, № 39, 30. 9. 1954.

Петров 1952: Петров, З. *Порочни стихове*. Литературен фронт, № 37, 11. 9. 1952.

Петров 1965: Петров, З. *Наследствените грехове*. Септември, № 3, 1965, с. 183.

Попов 1966: Попов, В. *История и съвременност. В: Националното своеобразие в литературата*, София, 1966, с. 206.

Радоев 1952: Радоев, И. *Любовен цикъл*. Литературен фронт, № 33, 4. 8. 1952.

Фурнаджиев 1952: Фурнаджиев, Н. *Една вредна критика за романа “Тютюн”*. Литературен фронт, №16, 13 март 1952.

Славов 1962: Славов, А. *Еснафското самодоволство в поезията*. Литературен фронт, № 47, 22. 10. 1962.

Славов 1994: Славов, А. *Българската литература на размразяването*. София, 1994, с. 111.

Социалистическият реализъм 2008: *Социалистическият реализъм*. Нови изследвания. София, 2008, 365 с.

Спасов 1965: Спасов, И. *С гръб към живота*. Работническо дело, № 325, 21. 11. 1965.

Стайков 1962: Стайков, Н. *Действителна и мнима поезия*. Литературен фронт, № 42, 18. 10. 1962.

Стоянов 1966: Стоянов, Ц. *По повод “духа на мястото”*. В: *Националното своеобразие в литературата*, София, 1966, с. 305.

Стоянов 1963: Стоянов, Ц. *Българско, наистина българско*. Литературен фронт, № 3, 17. 1. 1963.

Цанев 1962: Цанев, С. *Защита на свободния стих*. Литературен фронт, № 40, 4.10. 1962.